

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М79

Дизайн обложки *Александр Воробьев*
В оформлении книги использованы фотографии
из личного архива автора

Мордюкова, Нонна Викторовна.

М79 Не плачь, казачка! / Нонна Мордюкова. —
Москва: Издательство АСТ, 2024. — 448 с. —
(Эксклюзивные биографии).

ISBN 978-5-17-164321-8

При упоминании имени Нонны Мордюковой перед глазами сразу встают образы ее героинь из кинофильмов «Молодая гвардия», «Простая история», «Женитьба Бальзаминова», «Бриллиантовая рука», «Русское поле», «Возврата нет», «Они сражались за Родину», «Мама»... Эти героини — женщины яркие, колоритные, с характерной запоминающейся речью — снискали Нонне Мордюковой славу и всенародную любовь. Актрисе с одинаковым успехом удавались роли в экранизациях классики и современных кинокартинах, в героических эпопеях и семейных мелодрамах, в комедиях и трагедиях. Такова и ее книга — веселая, светлая и грустная одновременно. В ней рассказывается о детстве и юности, о творческой и личной жизни, о любимых фильмах и простых русских людях, у которых актриса черпала духовные и душевные силы. Читатель встретится здесь и со знаменитостями кинематографа: С. Герасимовым, В. Тихоновым, С. Бондарчуком, В. Шукшиным, Г. Чухраем, Н. Михалковым... И конечно, удивится легкому повествованию и сочному языку Н. Мордюковой, которая слыла замечательной рассказчицей.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Часть I. ВОТ ТАК И ЖИВЕМ

Река Уруп

Это единственное в моей жизни место, где я ощутила миг детства. Наша речка Уруп быстрая, горная. Помню, через нее свисала кладка — так назывался натянутый на проволоке длинный мостик. Никто никогда не ремонтировал его. От дыр на месте отсутствующих досок кружилась при переправе голова, поэтому из станицы Отрадной в хутор Труболёт ходили лишь в случае крайней необходимости. При переходе мостика мы, дети, держались лишь за один железный провод, поскольку до другого еще не дотягивалась рука.

Главное наше обиталище было, к счастью, под кладкой, по эту сторону Урупа. Здесь и теперь есть белая глина, а вернее, голубая. Не знаю даже, как ее определить правильно, но это что-то вроде пластилина. Тут и было наше «птичье» сборище, наш «птичий базар». Мы сидели на берегу целыми днями и лепили: рисовать ведь было нечем, да и не на чем. А в детстве всегда тянет к рисованию. Лепка заменяла любые занятия по детскому творчеству. И посегодняя с острова видны чьи-то макушки и острые коленки.

А как ноги затекут от долгого сидения, так с наслаждением опять в Уруп — и косточки хоть и молодые, но с удовольствием распрямляются. Поплескаться ведь тоже великое счастье. И тогда, да и теперь тоже, вылепленные бублички и коники оставлялись на ночь, но большие «объекты» нарочно затаптывали ногами: война. Хоть какая-то, но война. Затаптать «этих». А «эти» считали за счастье быть на Урупе, не помнить причиненного им зла — и опять ляп-ляп, шлеп-шлеп по глинке голубой ладошками...

На той стороне, куда кладка ведет, в начале лета зацветали полевые цветы «лазорики», похожие на несложный по форме мак: пять лепестков, а листья тонюсенькие, как у укропа. Вот тут лепка прерывается на короткое время, и все тянутся на тот берег за «лазориками»...

Однажды осенью мама повела меня в магазин купить туфли. Не хотелось надевать их на пыльные ноги, и мы просчитались: не померив, взяли тесноватые. А туфельки парусиновые, пахнут бумагой и клеем.

— Завтра, доченька, ты пойдешь в школу, — сказала мне мама.

Как ношу воду из колодца или хожу за солью, так и в школу пойду — надо выполнять мамин наказ. Зашли еще в другой отдел сельпо, и мама купила мне пальто с байковым зеленым верхом.

— Это на зиму. Ничего, что ладони и пятки прикрыты, — на вырост покупаем.

И действительно, кругом полыхает огнем осень, а пальтишко ни к селу ни к городу бьет по пяткам. Хоть и тоже пахнет новым, незнакомым магазин-

ным запахом, как когда-то матросочка и лента, однако это ватное одеяльце в форме пальто мне хотелось как можно скорее скинуть.

Утром надела новые туфли и, пожалев маму, не сказала, что они, как кандалы, сдавили мне ноги.

Надо было на размер больше, да куда там: разве об этом могут заявлять те, кому покупают, да и кому заявлять — маме, мамочке моей!

Словом, прощай, белая глинка...

Направили меня в ШКМ, школу колхозной молодежи. Мне как «молодежи» было тогда неполных шесть лет. Это не ошибка: школа была одна на всю станицу, и нас, маленьких, — тоже туда.

Страх охватил! Первый в жизни. Длинный коридор, фикусы возле окон... Взялись за руки и вошли парами. На маленьком возвышении появилась тетка и вдруг крикнула как дурная:

— Дете!

Я увидела, как у нее заходила ходуном нижняя челюсть.

— Дете! Сегодня вы вступаете... — и т.д.

Мы стоим на тряпичной дорожке и слушаем все это, а рядом с нами матери-общественницы. Вообще-то дорожка из тряпок лучше, чем дорогие ковры. Теперь они все больше синтетические и бьют током, а те не били.

Дорожка дорожкой, а тетка та проклятушая все орет и орет. Но ее не унять, у нее такое дело, как мое — стоять, взявшись за руки с каким-то мальчиком, и молчать. Нижняя челюсть ее ходит ящиком вперед-назад, вперед-назад. Я заплакала от этого крика и от дорожки, где все рядом стояли, от фикусов, светящихся утренняя солнцем, и от потной

руки мальчика, который тоже был нем от происходящего. «Мама, мамочка, — подумала я, — зачем нам это с тобой?» К счастью, был дан сигнал разойтись по классам, и я вздохнула с облегчением от того, что уходила от этой крикуньи с бородавками.

Мы вошли в класс. Я не выпускала потную руку мальчика, а он мою. Сели. И тут я подумала, что рубить топором не будут — не белые же. Пересажу, а там и к маме — веселой, с песнями под гитару, к моей двадцатипятилетней мамочке, которая меня заберет навсегда отсюда. Но не тут-то было: та крикучая тетка вошла именно в наш класс. А я-то уж собралась сбросить туфли, что заковали мои ноги до опухоли. Смотрела я на учительницу, слушала ее, заходящуюся в крике, и наблюдала, как ящичком движется ее челюсть. Когда она произносила задумчиво промежуточное «э-о», перед глазами вырасталась другая картина.

Откуда же взялось чувство спасения? Вместо всего ненавистного мне в тот момент увидела я белый Уруп, голубую глинку, «лазорики» и решила с учебой покончить — навсегда.

Зазвенел звонок, и, не сказав ничего своему партнеру, я выплыла из класса и из той истории — и на Уруп! Вот где радость, вот где блаженство! Пускай они себе там учатся, а тут детишки пятилетние, не подозревая, откуда я к ним пришла, ляп-ляп — по голени, ляп-ляп — ладошками, резвились вовсю на воле. С дремотой долгожданного избавления пристроилась возле них, сунула портфель под голову, туфли, давно снятые, положила рядом и вкусила кусочек рая: они лепят, солнышко светит, подальше от берега забрасывают ведра в Уруп

женщины, пришедшие за водой. И я тут, где мне так отратно и такой покой на душе...

Отец поискал меня недолго и забрел к реке. Он не стал будить меня, только взял туфли: он не готовил мне кару – лишь хотел направить неудавшуюся ученицу на путь истинный.

Я проснулась, когда уже роса упала, и пошла домой.

– Где туфли новые? – спрашивает мама.

Не хотелось огорчать ее, потому как можно спокойнее и по-свойски я ответила:

– Туфли отобрали у всех, завтра одинаковые будут выдавать.

Не знаю, было ли у родителей желание наказать меня, только утром, открыв глаза, я увидела туфли так близко, что мне оставалось лишь сунуть в них ноги и идти туда, откуда я вчера так предательски бежала.

Я заплакала и тихо заползла опять под одеяло. Мама погладила меня по голове и сказала:

– Доченька, нам всем на работу пора, и мне, и папе, и тебе надо идти.

Так я стала ученицей. Походила, походила, и... что-то мне поднадоело. И вот вместо школы однажды шмыгнула в сельпо, в отдел игрушек, да так и простояла там все четыре часа. Уж что перед моими глазами только не мелькало! Ключик снизу вставишь – и пошла лаять собачка, или через весь магазин запрыгает лягушка. Запомнила дядьку, который палкой толкал вперед большую бабочку, и она, хлопая крыльями, двигалась по полу. Брови у него подняты в блаженстве, а глаза озорно улы-

баются. Он и не заметил, как локтем не дал сыну перехватить палочку.

— Ну, пап, — заплакал малыш, и отец с сожалением отдал игрушку сыну.

Когда я увидела школьников на улице, тоже пошла домой.

— Нонка, а ты где была? — спросила одна девочка.

В ту же секунду я увидела идущую с ведрами маму. И чтобы раз и навсегда прекратить ее еще не начавшийся крик, бросила портфель под колеса грузовика. Шофер не старался объезжать, но и не наехал на портфель. Все увлеклись, разбирая мою выходку, но мама, не обратив на нее внимания, исчезла в камышах, громыхая ведрами.

Однажды услышала я незнакомое слово «библиотека». Что же это такое? Оказывается, там книжки дают. «А зачем они?» — подумалось мне. И от своих деваться некуда. Любопытство все же привело в хатку под камышовой крышей, на которой было выведено «Изда-читальня». Что же я вижу? Все в очереди стоят за книжками, а одна девочка сидит в центре хаты и тарахтит содержание той книги, которую принесла для обмена. И если не расскажешь, другую не дадут. Подходит моя очередь, и библиотекарьша дает мне «Казачков» Льва Толстого. Дома я сразу на печь — и читать. Господи, буквы есть, а слов нет! Есть слова, а куда тянут — ничего не понимаю. Набираю буквы, слова, но не двигаюсь с места. Кручусь, кручусь, а все третья страница. Так и не перевернула ее на четвертую, заснула. Отдала книгу девочке с просьбой вернуть ее в библиотеку — и больше ноги моей там не было, пока не

пришла пора сдавать экзамены на аттестат зрелости. Читать для меня было тогда великой мукой, — но какая же любовь к книге пришла позднее, уже во время учебы в институте! И эта неизбывная потребность читать все растет и растет и по сей день.

Но вернусь к школе. Как же я ее ненавидела! Тоска вселилась в мою жизнь: только и старалась побыстрее на топчан, чтобы спать. Мама будила, приговаривая:

— А ну-ка, доченька, давай все же ноги помоем.

Мыли холодной водой в тазу. Сонная, я совала ноги в таз, сдерживая слезы, повиновалась.

— Солнце еще не село, а она — спать! То домой не загонишь, а тут на тебе!

Мама, присев на корточки, бойко мыла мне ноги мочалкой из кукурузных листьев. И тут я уже просыпалась окончательно не только от ледяной воды, но и от одной лишь радости видеть мамину короткую стрижку, от прикосновений ее мягких дорогих рук.

Выпив парного молока с лепешкой, я подсаживалась потеснее к столу и клала на стол свой портфель.

— Так-с! — приступала мама к изучению заданий в дневнике.

И пусть была поздняя ночь — уроки выучивались назубок. Я учила их с удовольствием от сознания того, что рядом моя дорогая мама.

Потом я ждала ее в постели, а она писала что-то свое по работе колхоза...

Однажды я взяла из ее папки паспорт кобылы и принесла в школу. Когда крикливая учительница

шла по коридору, я при всех бросила паспорт кобылы ей под ноги и спросила:

– Кира Васильевна, это не вы потеряли?

Она наклонилась, молча прочитала бумагу и кивком пригласила меня в класс.

– Собирай книги – и марш отсюда! Я тебя исключаю из школы.

– Что?!

– Иди и скажи матери, что ты теперь исключена.

– Слава тебе господи! – буркнула я.

Учительница вышла, продолжая на ходу доедать початок вареной кукурузы. Но чувство свободы повисло в воздухе как-то очень зыбко. Куда мне? Побрела к дому и села на большой теплый камень возле калитки. Мамы не было. Сердце билось тревожно: куда я теперь исключалась? Разве можно без школы? Вижу, мама торопливо идет, а в правой руке у нее большая черная тарелка со шнурком.

– Ты чего как дохлая? Пошли музыку слушать!

Оказывается, нам провели радио. Мама торопливо воткнула штепсель в розетку и... «С подружками по ягоду ходить...» – меня подбросило чуть не на метр. Я была очень эмоциональной, и так неожиданно впервые меня шарахнуло, как бомбой; от чар неведомых ранее звуков и от страха при воспоминании об исключении из школы меня всю затрясло.

– Что с тобой?! – закричала мама. – Малярия, что ли? – Она прикоснулась губами к моему лбу. – Жару вроде нет... Что с тобой?

Я обняла ее и так зарыдала, как еще не плакала никогда. Я рассказала маме об исключении и о том, что выкрала у нее из бумаг паспорт кобылы.

— А-а, пошли они... Ты еще маленькая. На тот год пойдешь. Как раз тебе исполнится семь.

Мама поглаживала меня по спине, музыка играла — было хорошо и счастливо.

— Так ей и надо! Чтобы учительницей быть, надо еще сначала выучиться на нее... А она где только не работала! — вдруг рассмеялась мама.

В моем детстве как бы полное отсутствие отца. Наверно, потому, что был он постоянно в военных лагерях. И там, я думала, будет всегда. Мне не повезло: я не любила своего отца. А вот мама... Все у нее бегом, все у нее получается — блины до рассвета и потом работа в райзо. Еще она очень любила писать плакаты: как плакат, так какое-то свершение. Я ей помогала — квасила краску, расстилала по полу красный материал, на котором мамочка, стоя на четвереньках, писала, как надо жить. А кто лучше нее знал об этом?!

— Давай, доченька, побыстрее — надо до приезда папы успеть. Он не любит, когда я крашу или пою.

Ах, что за жизнь! Я еще была мала, но мой музыкальный слух, унаследованный от предков мамы и от нее самой, наслаждался, когда она пела. Ее волшебный альт, как говорится, сводил всех с ума, и, конечно же, меня, влюбленную в нее — такую подвижную, такую революционную. С постоянным животиком, в котором были мои будущие братья и сестры, мама бегала, как с почтовой сумкой, и делала все для нашей новой, любимой тогда всеми со-

ветской власти. Меня она тоже без труда научила любить советскую власть — ведь это мамина власть, она так хочет, и я так сразу захотела.

Помню, однажды, когда мне было лет девять, приехал папа, военный, красивый. У него были такие маленькие кисти рук. За столом сидели еще какие-то дядьки, потом они ушли. Мама отправила меня на печь, а сама, покрасневшись, стала говорить отцу, как ей хотелось бы создать колхозную оперу. Он слушал ее снисходительно. Мама, не выдержав, запела арию из «Наталки-Полтавки». Красиво, вдохновенно. Отец вежливо выдержал паузу и сказал:

— Теперь вот насолим огурцов, помидоров, капусты, чтоб на зиму все было...

Я чувствовала: мама недовольна тем, что отец рано разогнал гостей, — ей хотелось петь. Я заснула с любовью к маме и с надеждой, что действительно справлюсь с арией Иванушки-дурачка из оперы «Сватанье на Гончаривцы». Вдуматься только! Зачем в колхозе опера? Это ведь сложно и недоступно для всех, но мама выбрала именно оперу. Она, конечно, сама дирижировала, глядя на партитуру. И ничего здесь нет невероятного: мама с девяти лет пела в церкви на клиросе, а где может быть более чистое звучание, чем там, где люди поют от любви, бесплатно. «Как все знают, ноток всего семь штук», — пояснила она мне, и я навсегда их запомнила, как позднее таблицу умножения, которую тоже выучила благодаря маме.

— В кого она? — спрашивала приехавшая в гости бабушка, мама отца. — Чего ей надо?

Это про меня. А я состояла из клеток и жизни своей матери, я была ее дочерью. После меня родилось еще пятеро. И они, вырастая, все говорили маме: ты больше всех любишь Нонну.

— Отрежь любой палец, — любила повторять она, — какой из них больней?

Они понимали, но не могли еще осознать какой-то неуловимой духовной связи, существовавшей между нами. Мама меня любила не за то, что я была маленькая и хорошенькая, а за то, что я понимала ее больше всех, была ее как бы тихим стражем. Мне кажется, мама искала кровного союзника во всех разгоравшихся делах и видела таким союзником только меня.

Помню, когда папанинцы высадились на льдине, все кругом кричали от радости. Мама подучила меня кричать громко, на все поле. Да, немного запомнила я из того дня. Но помню, как мы поехали на бидарке (двухколесная, облегченная повозка с рессорами) в первую бригаду, поставили табуретку перед собравшимися колхозниками, ожидавшими начала вечера (сначала — политическую часть, а затем — танцы), — после мамы выступала я.

Потом меня со скамейки сняли и преподнесли от колхоза кулек пряников в виде разных фигурок — коников, зайчиков, курочек, облитых чем-то белым и сладким, а внутри было варенье.

После выступления во второй бригаде сели в телегу. Я ела уже неохотно, но съела все до последнего пряника.

В третьей бригаде тоже выступили хорошо, после чего я упала лицом в сено и, не зная, куда меня везут на этот раз, заснула.

Это волшебное слово «фуэте»

В детстве меня окружала привычная жизнь довоенного села, и ничто, казалось бы, не доносило сведений об искусстве, разве что огромный черный репродуктор-«тарелка», который рассказывал нам о неведомых даях, где бурно и светло жили таланты, об их вдохновении, радостях, неудачах. Но и этого хватило, чтобы зашевелилось, задвигалось во мне что-то, что после стало призванием актрисы. Помню, как по радио передавали «длинную» музыку (так я называла тогда классические произведения). И уж не знаю, как это случилось, но музыка заставила меня почему-то накинуть на себя кусок марли и, глядя в зеркало, в одну точку, идти и идти вперед к нему. Музыка, медленное движение, собранный взгляд — и рыдания подступали к горлу. Впервые почувствовала, что это какие-то особые рыдания: они доставляют радость. Незнакомое доселе, но сладкое чувство. Так во мне родилась и выплеснулась впервые моя потребность, необходимость быть актрисой. Мне было в ту пору лет одиннадцать-двенадцать.

Но вот наконец первая встреча с живым искусством. Людей, приезжающих на лето в наши края, теперь называют отдыхающими или «дикарями». А в те годы они именовались курортниками. Я прослышала о том, что курортники будут давать концерт. Примчалась и во все глаза глядела, как ладно они разложили помост и как ловко натянули занавес — получилась сцена. Начался концерт. Многие в нем было, видно, не по годам мне. И вдруг, постукивая мысочками пуантов, на сцену выплыло

маленькое чудо! В балетной пачке, с традиционным веночком на голове закружилась девочка моих лет. И снова музыка и движение откликнулись во мне тем же счастливым удушьем — хотелось разрыдаться. Я ощущала невесомость девочки, почти птичью ее устремленность к полету.

Начинающая балерина была, казалось, переполнена счастьем, не жила, а как бы благословляла всё и вся своим неописуемо гармоничным телом, красотой каждого движения. Я и не думала, что мне суждено будет увидеть такое. И, конечно же, рассердилась, когда на сцену вышел «дядько», такой же белый, схватил девочку и стал размахивать ею, опрокидывать ее и ловить. Это было очень «непочтительно». Но ничто не могло затмить впечатления от музыкального полета белой птицы...

Артисты стали увязывать веревками свое имущество, погрузили его в автобус и уехали. «Вот оно, искусство!» — думала я. И запечалилась — от разлуки с ним.

Детство берет свое: скоро печаль сменилась страстным желанием немедленно создать себе одежду, подобную той, в которой танцевала юная балерина. Снова пошла в ход марля. Сшила я подобие пачки, надела ее и до сих пор помню щемящее чувство причастности к тому чарующему таинству балета.

Шло время. Маленькая балерина утратила реальность своего существования во мне — ушла в далекую зону памяти. Но осталась как зов в страну мечты, где и мне суждено будет жить. Уже в седьмом-восьмом классе я твердо знала, куда пойду после окончания школы. Знала, что это будет не

балет, но балетная жизнь осталась для меня самой притягательной, придавала силы, звала к служению красоте.

В годы войны я встретила с эвакуированными ленинградцами. Это тема особая, очень важная в моей жизни, но сейчас хочу выделить из нее только те новые потрясения, которые связаны с балетом. Представьте себе большой, старинный, дореволюционной постройки амбар с оконцами на уровне земли, так что казалось, будто он врос в землю. Худенькая женщина, покрикивая и прихлопывая в ладоши в такт отсутствующей музыке, стоит в кругу ленинградских мальчиков и девочек. Идут занятия «по классу балета». Я с другими любопытствующими, лежа на животе, гляжу в крохотное оконце, загипнотизированная зрелищем рождения чуда. Уже не приходит в голову сшить себе пачку, зато неудержимо хочется овладеть одним коленцем, которое худенькая женщина называет волшебным словом «фуэте». Фуэте отнимает у меня сон, я с трудом дожидаюсь начала занятий «по классу балета» и спешу к амбару. Ну где же оно, мое заветное фуэте? Я должна овладеть им! Изучаю суть быстрого кружения вокруг себя, переношу тяжесть тела на правую ногу, стараюсь подтолкнуть корпус вращением руки и повести вперед, балансируя. День и ночь пыталась освоить фуэте. И выучила-таки! Разумеется, говорю об этом с юмором, поскольку речь идет о моих тайных балетных упражнениях.

Но, думая о большом балете, о его роли в моей жизни и жизни окружающих меня людей, я испытываю чувство несказанного уважения и восхи-